

Вадим СТАВИСКИЙ

“НЕОБЫЧНЫЕ ПЕСНИ” В ТЕКСТЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ (ПО СЛЕДАМ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТОНА ГЕНСЕРСКОГО)

Исследование группы текстов, близких Ипатьевскому (Ипат), в части за XIII век условно называемой Галицко-Волынской летописью (ГВЛ), существенно ограничено тем, что восходят они к общему архетипу, составленному в начале 90-х годов. Поэтому проследить с их помощью историю создания текста этого архетипа достаточно сложно. Тем не менее, когда это один из трех важнейших текстов, освещающий историю Древней Руси XIII в., попытку сделать необходимо. И они тем более успешны, чем точнее инструментарий, используемый в рамках применения “конъектурального метода” критики текста, единственно возможного в данной ситуации. В этом плане долгое время недооцененными были методы филологического анализа текста Ипат, хотя именно они являются на сегодняшний день единственными, которые совершенно определенно говорят о развитии текста путем его редактирования прежде, чем он предстал в известном нам виде. Мы имеем в виду, прежде всего, исследование Александром Орловым “литературной техники” автора “галицкой части” ГВЛ в направлении использования лексики переводных греческих текстов, входивших в состав Иудейского хронографа, достоверно прослеженного в летописи до описания событий 1260 г., включительно (согласно условной погодной сетки Ипатьевского списка). Наблюдения Дина Ворты, Марины Шевелевой, Ирины Юрьевой и авторов других филологических исследований текста ГВЛ подтвердили мысль о том, что “по манере изложения и характеру языка ГВЛ четко делится на две части: до 1260 г. включительно и с 1261 г. до конца летописи”¹. С этого момента язык становится значительно менее книжным, что проявляется в резком увеличении случаев применения синтаксических конструкций с *начати*-инфинитив и *имочу*-инфинитив, изъяснительных конструкций типа косвенной речи, которые вводятся союзом “оже”, и очевидном падении числа конструкций с дательным самостоятельным.

Конечно же, выводы, которые можно сделать на основе “филологического метода”, слишком общи и не всегда точны по причине того, что в основе их лежит принцип “частотности”. Кроме того, они не учитывают и не определяют вероятности вмешательства и внесения редакторских правок в предыдущий текст более поздним редактором. Возможное направление развития его было сформулировано А. Орловым, предложившим “сосредоточиться на таких словах, которые между обычными выражениями русской летописи являлись бы не совсем для нее обыденными”². Выражаясь современным языком, речь идет

¹ Шевелева М. Н. Вторичные имперфективы

с суффиксом - *ыва* - / - *ива* - в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освеще-

нии. – Москва, 2010. – № 2(20). – С. 216.

² Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского

о поиске в тексте маркеров, характерных для разных его частей и прослеживаемых до определенного времени, дальше границы которого они исчезают, что в совокупности может указывать на границу редакторской правки. По справедливому замечанию И. Юрьевой, “если объединить данные исторического, текстологического и лингвистического анализа ГВЛ, можно заключить, что именно со статьи 1261 г. начинается активное редактирование окончания Галицкой летописи (как и предполагает А. Орлов, доходящей, вероятнее всего, до 1265 г.) волинским редактором”³. В этом плане не теряют своей ценности по сей день наблюдения Антона Генсерского, зачастую безосновательно игнорируемые современными исследователями.

Получив образование в Санкт-Петербургском университете в 1910–1914 гг., будущий ученый сформировался в русле методологии Алексея Шахматова, с 1910 г. бывшего профессором этого же университета, однако, не без критического взгляда на нее, развивавшегося в среде участников киевского “Семинария русской филологии акад. В. Н. Перетца” в 1907–1914 гг. Поэтому в дальнейшем только А. Генсерский и один из участников Семинария Игорь Еремин рассматривали выводы А. Орлова в качестве единственного аргумента, свидетельствующего о сложносоставной структуре текста ГВЛ⁴. Опираясь на них, ученый безоговорочно был уверен, что после 1266 г. “писав уже інший літописець”⁵, который не только продолжил имевшийся в его распоряжении текст, но внес в него некоторые коррективы, приоткрывающие завесу над сферой его интересов и предпочтений. Их характеристике А. Генсерский уделил достаточно много внимания, буквально следуя методологическим принципам “критики текста”, сформулированным в том же 1914 г. Сергеем Бугославским⁶, еще одним участником Семинария. Ученый сосредоточился на поиске различий в “литературной манере”, особенностях стиля, вносившихся в первоначальный текст ГВЛ позднейшими сводчиками. “Просуваючись до початку літопису, ми за допомогою аналізу вставок відшукуємо ще інших, попередніх, редакторів і визначаємо місце, де закінчувалася їх літописна праця”⁷, – так А. Генсерский сформулировал идею своего “ретроспективного метода”. Мы же ограничимся тем, что отметим – “редактор 1266 г.”, согласно

языка и словесности (далее – ИОРЯС). – Ленинград, 1926. – Т. 31. – С. 125.

³ Юрьева И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волинской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012–2013 гг. – Москва, 2013. – С. 138.

⁴ “Один тільки О. Орлов, стверджуючи використання одним з редакторів так званого компілятивного хронографа XIII ст., визначив як окрему редакцію “Галицький літопис» (частина літопису до 1265 р.)”: Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання; редакції і редактори. – Київ, 1958. – С. 4 (<http://izbornyk.org.ua/hens2/hs.htm>).

⁵ Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 17.

⁶ Исследователь подчеркивал, что анализ текста необходимо начинать “с определения круга источников, которыми поль-

зовался его автор”, переходя к его анализу “со стороны его литературной техники” и “отношения автора к изображаемым им фактам” (Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 19, кн. 1. – С. 131–140). Ср.: А. И. Генсерского – “Дана праця є першою спробою на основі текстуального аналізу всього літопису визначити деякі джерела, якими користувалися літописці, і на основі виявлення різних політичних поглядів, що знайшли відображення в деяких частинах літопису, виділити окремі редакції Галицько-Волинського літопису і тим самим вияснити загальний процес його складання” (Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 5).

⁷ Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 5.

наблюдениям ученого, существенное внимание уделит современной ему песенной культуре. И этим он разительно отличался как от своего предшественника, так и от продолжателя, “манерою писання, способом зображення подій, переконанням і навіть начитаністю”⁸.

Мы уже обращали внимание на текст, стоящий сразу за окончанием Киевской летописи, в котором прославляется князь Роман Мстиславич. По своей стилистике он не выходит за рамки литературной манеры, характерной для текста ГВЛ до 1260 г. (ГВЛ-1260)⁹. Как определил Алексей Толочко, панегирик князю Роману вставлен в первоначальный текст ГВЛ¹⁰, но и он сам разорван вставкой о “песнях половецких”, как отметил А. Генсерский, достаточно очевидно выделяемой грамматически. Такой вывод ученый сделал, опираясь на чтение о Скомонде в статье под 1248 г., аналогичное характеристике Кончака под 1201 г. Автор заметил по этому поводу – “Але уривок про Отрока та Кончака під 1201 р. – це явна, всіма дослідниками визнана вставка, яку досить незручно втиснено в раніш

⁸ “Так, уже вище ми довели, що вставка в статті під 1201 р. цілого фрагмента пісні про Отрока вийшла з-під пера саме цього редактора. Відгуки цієї пісні, як ми вже відзначали, знаходимо в цього редактора під 1248 р., в оповіданні про ятвязького князя Скомонда, і під 1251 р., у спогаді про Романа. Але, крім цих відгуків, в обох вказаних місцях є ще безумовно ремінісценції окремих пісень як про Скомонда, так і про Романа. За ремінісценції таких пісень вважаємо підкреслення під 1248 р. несамовитості Скомонда: “Скомондъ бо бѣ вольхвъ и кобникъ нарочитъ”, а в спогаді про Романа під 1251 р. фразу “имъ же Половци дѣти страшаху”. Під 1249 р., в описі битви з мадярами коло Ярослава, є поетичні фрази, які вказують на знайомство автора, можливо, не безпосередньо, з “Словом о полку Игоревім”, але, безперечно, з поезією тієї самої школи. Відзначимо таку фразу: “и бывшу знаменію сице надъ полкомъ: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболуку велику, играющимъ птицамъ, орломъ [ъ] же клекшущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъ на воздухъ... и се знамение на добро бысть”. Схожість поодиноких елементів цієї фрази з деякими місцями “Слова” зразу впадає в очі. В “Слові” також “врани възграяху у Пльньска”, клекочуть орли (“орлії клектомъ на кости зовуть”), плаває і скидає крилами, щоправда не в повітрі, а на морі, “дѣва-обида” (“въсплескала лебединьми крылы на синѣмъ море”). Під тим самим роком знаходимо, як уже відзначено, зацікавлення автора польською піснею “керляшь”. Також під 1251 р. він цікавиться піснею, що її співали Данилові полки після перемоги над ятвягами: “и пѣснь славну [похвальну] пояху има”. Можливо, що саме з цієї пісні автор узяв наведену фразу про

Романа (“имъ же Половци дѣти страшаху”), яка знову ж влилася в пісню про Данила з ще давнішої пісні про Романа з того приводу, що в пісні, складеній про Данила, порівнювалась ятвязька перемога Данила з давнішою половецькою перемогою Романа. Що таке порівняння було в пісні свідчить те, що після згадки про неї, безпосередньо перед поетичною фразою про Романа, пишеться про “наследование” Данилом путі Романа: “придоста... наслѣдивши путь отца своего великого князя Романа, иже бѣ изострился на поганья... яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху”. На основі того, що саме цей редактор любувався дружинною поезією, ми вважаємо його вставкою явно пісенний матеріал під 1217–1219 рр.: “Выйде Филя, древле прегордый, надѣяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекши ему “единъ камень много горньцевъ избиваетъ” і т. д. Цей матеріал, безперечно, взято з якоїсь пісні про Філю і його боротьбу з Мстиславом” (*Генсворський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 67, 77–78*). Напамини, що перу ученого належить монографія: *Генсворський А. Нинішня великоруська пісня. – Львів, 1926*.

⁹ *Ставиский В. Песни половецкие // Ruthenica. – Київ, 2014. – Т. 12. – С. 172–178; Его же. О возможном источнике некоторых образов летописной “Похвалы” князю Роману Мстиславичу // Slovene. – 2015. – Vol. 4, No. 2. – С. 110–130 (<http://slovene.ru/ojs/index.php/slovene/issue/view/9/showToc>).*

¹⁰ *Толочко А. П. Початок літопису // Доклад на засіданні Летописного семинара по критическому чтению и комментированию текста ГВЛ 28.10.2014 г.*

¹¹ *Генсворський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 17.*

зрозумілу конструкцію речення. Коли ж це вставка, то, очевидно, це вставка автора статті під 1248 р., тобто редактора зводу 1266 р.¹¹.

Практически половина панегирика князю Роману написана в контексте половецького епоса. Среди прочего, автор был осведомлен о тюркском посольском обычае и изложил его в соответствии с текстом XI в. – “Благодатного знания”, составленного Юсуфом Баласагуни. Он сообщил о том, что тюркский посол должен был не только точно передать слова господина, но и быть убедительным, в чем послу помогало знание и исполнение тюркского героического эпоса. Его исполнители при дворе половецких ханов были не замызганными попрошайками, а занимали место первых советников и рекрутировались из числа половецкой знати. Автор текста знал, что среди кочевых тюрков пение всегда сопровождается игрой на инструменте. Певцы высокого уровня сопровождали пение игрой на смычковом инструменте – кобызе. Аналогией “кобыза” был древнерусский “гудок” и поэтому половецкого певца он назвал “гудцом”. Но он знал и его аутентичное название *ырау/жырау* и обозначил его в тексте как *жеорев*. Название было настолько редким, что автор Ипат принял его за два слова, одно из которых представил как имя, написав его с заглавной буквы – *Щрь*¹². Наконец, автор текста знал, что послов должно было быть два: второй, – баксы, – специализировался на применении галлюциногенов типа полыни – “евшана”. Но после разгрома Половецкой земли Владимиром Мономахом ее положение было настолько бедственным, что в распоряжении хана Сырчана остался только “единъ” певец – жырау, который получил поэтому дополнительные инструкции, выходящие за пределы его традиционной компетенции – “Уже ти не восхочеть. даи емоу поохати зелья. именемъ €вшанъ”. Этот последний аргумент и определил решение хана Атрака.

А. Генсерский обратил внимание еще на один пример, свидетельствующий о тонкости в понимании песенного материала, присутствующей в тексте ГВЛ-1260 – “Під 1249 р., в описі ярославської битви Данила з угорським воеводою Філею і князем Ростиславом Михайловичем, якому допомагали поляки, автор відзначає, що поляки йшли до бою, співаючи сильним голосом воєнну пісню, яку він називає *керльшь*: “видѣв же Даниль . Лахы крѣпко идоущимъ на Василка . керльшь поючимъ . сильньнъ гласъ ревоуще в полкоу ихъ”. В наведеній фразі важливе не стільки відзначення самої пісні, скільки цей “ревущий глас” під час співу. Саму пісню автор міг відзначити у літопису на основі чийогось переказу чи навіть запису, але відзначення “ревущого гласу” у співі зрозуміле в літопису тільки як спогад особистого враження, яке пережив автор¹³.

Что же так поразило автора? Исследователь отвечает на этот вопрос – “Автор, безперечно, в даному місці настроений дещо глумливо, але не в першій половині фрази (“керльшь поюща”), а в другій, де підкреслює рев при співанні (“силень гласъ ревуще въ полку ихъ”). Глум над самим *керльшьемь* виявився б, напевно, безпосереднім сполученням реву з *керльшьемь*, наприклад, “керльшь ревуца”, а цього немає. Отже, назва *керльшь* – це не насмішка над польською вимовою, а назва цієї пісні, яка поширилась серед польських воїнів внаслідок повторюваного рефрену пісні “*киріє елейсон*”, що співався сильним протяжним голосом”. Т. е. автор текста, по мнению ученого, насмехался не над

¹² Ставиский В. Песни половецкие. – С. 172–178.

¹³ Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 70. Ипатьев-

ская летопись // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Имп. Археографической комиссией. – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 2. – Стб. 803.

молитвенным призывом “Господи помилуй!” в польском его произношении, тем более, что в написании этого термина в Хлебниковском списке (Хлеб), в котором указан “корелесь”, такая особенность не наблюдается¹⁴, а над манерой исполнения, которую он не одобрял.

А. Генсерский очень тонко отметил разницу в использовании одного и того же выражения в древнерусской и западноевропейской традициях – “Іпатіівський літопис наводить два випадки, коли руські війська повторювали цей оклик, але ніколи не вживає при тому форм дієслова *пѣти*, а тільки *возвати*. Перший раз під 1146 р., коли оборонці Звенигорода після відступу ворогів “возваша кури и елисонъ с радостью великою хваляще Бога”. Вдруге під 1151 р.: під час битви кийвські полки пізнають у пiтьмі свого пораненого князя Ізяслава, і тоді “въсхитиша и руками своими съ радостью яко царя и князя своего и тако възваша кирельсонъ вси полци радующеся”. Як видно, в обох випадках – *възваши*, а не *въспѣши*, що, очевидно, вказує тільки на простий вигук одного і того ж слова. Отже, коли у даному випадку застосовано слово *поюща*, а не *възываются*, то ясно, що літописець має тут на увазі не те саме, що в попередніх випадках, а якусь пісню”¹⁵.

Упоминание “гласа” в тексте ГВЛ отмечается еще два раза, но достаточно настойчиво. Во время похода осенью 1230 г. короля Белы против захватившего Галич князя Даниила – “и обстоупи гра^а. и посла посоль. и възопи посоль гл^емъ великими ре^е. слышите словеса великого корола Оугорьского”¹⁶. Рассказ насыщенный лексическими оборотами из текстов, входивших в состав Иудейского хронографа. С ними мы связываем оборот с упоминанием “великого корола”. В одном из них сказано, что царь Александр “посла в тоуръ . азъ же великыи цсръ еоуропьскы”; и дальше к нему – “молимъ ти ся владыко великыи цсрю”¹⁷.

В описании осады Киева – “и не бѣ слышати ѿ гласа. скрипаниа телѣгъ е^е. множества ревеня. вельблудъ его. и рѣжаниа ѿ гласа стадъ кон(в)ей его . и бѣ исполнена . земля Роускаа ратны^х”¹⁸. А. Орлов считал “гласъ скрипаниа” устойчивой формулой, связанной с переводом текста Амартола, а “гласъ стада коней” опосредованно связанной с библейским текстом по Уваровскому списку Амартола – “отъ гласа рзання и яждения его”¹⁹. Но есть и непосредственно: Иер. 8:16 – “от Дана слышана есть рзання коней ихъ. от гласа вопля поборникъ его подвигнута есть вся земля”; Иез. 26:10 – “от и рзання конь его”. Вероятна связь с единственным применением “гласа” в КЛ под 1174 г. – “Вбои и бы^е матежъ великъ и стонаніе (стонава). и кличь рамна. и гласи незнаемии”. Эта статья КЛ неоднократно использовалась для пополнения лексики ГВЛ. И дальше статья 1175 г. об убийстве Андрея Боголюбского – “въскочиша два Шканьнаа и асаса с нимъ . князь повѣрже Шдинога подъ са и мнѣвше княза повѣржена . и

¹⁴ The Old Rus' Kievan and Galician-Volynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyn'skyj (Pogodin) Codices (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. – Texts, 8). – Cambridge (MA), 1990. – P. 686.

¹⁵ Генсерский А. Галицко-Волынский летопис. Процесс складання... – С. 71.

¹⁶ Ипатьевская летопись. – Стб. 760.

¹⁷ Вилкул Т. Л. Александрия Хронографическая в Троицком хронографе // Palaeoslavica. – 2009. – Vol. 17/1. – P. 189, 194.

¹⁸ Ипатьевская летопись. – Стб. 784. Еще

раз, возможно, уже в описании болезни князя Владимира Васильковича – “и къ жаднымъ и (ко) всѣмъ твораше мл^ать требующимъ. мл^ати слышалъ бо собѣ. глаголъ (гласъ) Гнъ ко Навходоносороу ц^рю ... Бмъ мл^атна и мно^е дерзновенье. имѣши к нему . яко присный рабъ Х^евъ помогает ми словесы. реки мл^ать хвалитъся на соудъ. милостини моужю акы печать с нимъ”. Но это только в Ипат “гласъ”: Там же. – Стб. 915.

¹⁹ Орлов А. С. К вопросу... – С. 122, 125.

оуязвиша (и) свои другъ ... иде подѣ сѣни Шни же слышавше гла^с вѣротишася Шпять . на (нѣ)". В ПВЛ об ослеплении князя Василька – "а Дѣдъ с Василкомъ сѣдоста . и нача Василко глати ко Давыдови . и не бѣ в Давыдѣ гласа (и) ни послушанья . бѣ бо оужаслѣся . и леств имѣя въ срѣдѣ"²⁰.

В нашем случае грамматика текста подразумевает, все же, иное прочтение, чем предложенное А. Генсерским, – "співаючи сильним голосом воєнну пісню". Ведь "глас" при таком прочтении должен был быть представлен в творительном падеже, а в тексте термин – в винительном падеже. Причастие настоящего времени во множественном числе именительного падежа "ревуще" относится к слову "поющимъ", а "гласъ" здесь в винительном падеже единственного числа, как и относящееся к нему прилагательное "сильный". Это делает невозможным и перевод Леонида Махновца – "керліш" співаючи, [і] сильним голосом ревли у війську їх"²¹. И тем более перевод Ольги Лихачевой – "с пением "керелешъ" и с громким ревом"²². Предполагаем, что фраза переводится следующим образом – "в войске их кириэ елейсон пели, ревуще глас сильный". Мы знаем, что голос можно пропить, сорвать и легко продать на выборах, но его нельзя кричать. Поэтому в данном случае представляется неуместной авторская ирония, предполагавшаяся А. Генсерским, – "Серед зворотів і слів... іронію зустрічаємо також у контамінації біблійного словосполучення *силенъ гласъ* із словом *ревуще*, тобто з дієсловом, застосовуваним до тварин"²³. Значит, в данном случае подразумевалось автором нечто иное, обозначенное как "гласъ".

В православном богослужении произнесение "Господи помилуй" завершает собой большинство прошений ектеньи. Но в Католической Церкви Кугіе – первый по порядку ординарный распев мессы. Мелодии Кугіе используются в начальной части мессы. Но до XII–XIII вв. преобладало пение двухголосное. Второй голос (*vox organalis*) часто поручался инструменту, который звучал в качестве опорного голоса (*cantus planus*), а при отсутствии инструмента звучал резко, фанфарно и сильно и все равно напоминал инструментальное исполнение²⁴. В X–XI вв. мелизматические Кугіе активно тропировали. В ходе позднейших реформ Церкви тропы были удалены, но инципиты текстов остались как идентификаторы мелодий, например, Кугіе "Fons bonitatis". При ссылке на тропированное песнопение указывают инципит исходного материала и инципит тропы, например Кугіе "Cunctipotens genitor". Инципит – начальные одно или несколько слов какого-либо текста, служащие для его идентификации, а также выполняющие функцию его названия. Поэтому нельзя не согласиться с А. Генсерским в том, что "назва *керльшь* – це назва цієї пісні, яка поширилась серед польських воїнів внаслідок повторюваного рефрену пісні "*кириэ елейсон*", що співався сильним протяжним голосом і тому саме найбільше був характерний для пісні"²⁵.

²⁰ Ипатьевская летопись. – Стб. 234, 576, 587.

²¹ Літопис Руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. – Київ, 1989. – С. 404 (<http://izbornyk.org.ua/litop>).

²² Галицко-Волынская летопись / Лихачева О. П. Перевод, комментарий // Библиотека литературы Древней Руси. – Санкт-Петербург, 1997. – Т. 5: XIII век (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961>).

²³ Генсерский А. Галицко-Волинський літопис. Лексичні, стилістичні та фразеологічні особливості. – Київ, 1961. – С. 249.

Ничего смешного мы не находим в том, что "подібне словосполучення у формі *велик гласъ*, з'єднане із руським дієсловом *кликнути*, вжите в контексті як стилістичний засіб зображення *гумористичної ситуації*: "Стрѣтоша [ятвягів]... конѣць вси... и возгнаша и. Данило же и Левъ тоснушася к нимъ, кликоста великомъ гласомъ: "бѣжъ, бѣжъ!".

²⁴ Ивлев С. А. Художественная культура Средневековья. – Москва, 2001. – С. 20–37.

²⁵ Генсборський А. Галицко-Волинський літопис. Процес складання... – С. 71.

Таким образом, автор текста известия точно идентифицировал исполнение “Господи помилуй” поляками, которые пели гимн с инципитом “*киріе елейсон*”. Отметим он также другую особенность исполнения Кутіе – “силень гласъ ревуще въ полку ихъ”. В византийской музыкальной системе “гласом” или “ихосом” назывался основной элемент октоиха, созданного Иоанном Дамаскиным и включавшего ряд канонических мелодических оборотов. “Гласом” называли звукоряд, одна из ступеней которого была доминирующей в изложении напева. В православной литургии такую роль выполнял высокий “первый голос” в отличие от католической мессы, во время которой основную музыкальную тему проводили в хоровом исполнении или с помощью органа. Поэтому мы полагаем, что автор текста употребил специальный термин “глас” в выражении “гласъ ревуще” не просто для характеристики неприятной ему манеры пения, а для обозначения доминирующего низкого, т. е. второго “гласа” при исполнении “*киріе елейсон*”. Использование им причастия “ревуще” во множественном числе и именительном падеже со всей определенностью указывает на то, что “*киріе елейсон*” исполнялось польским войском протяжно и низко. Для того, чтобы описать это событие совершенно не обязательно быть свидетелем битвы, а было достаточно разбираться в особенностях католического песенного сопровождения. Т. е. речь должна идти о музыкальном образовании автора уточнения, внесенного в рукопись летописи. Было ли оно сразу внесено непосредственно в текст или первоначально существовало в виде приписки на полях? Последнее маловероятно, так как в рассказе о битве под Ярославом замечание не выходит за рамки грамматики и логики текста.

Автор рассказа о битве под Ярославом проявил себя не только как музыкальный эксперт, но и как знаток и толкователь текста Библии. Опираясь на него, автор статьи описывает панику, охватившую польское войско при виде князя Василька – “тѣкнуу (X. – толкнуу.) конь свои и движеса. Лаховѣ же не стѣрпѣвши (X. – стерпѣша) побѣгоша ѿ лица е^г”. Наше внимание привлекает цитата из 67 псалма “побѣгоша ѿ лица е^г” (Псал. 67, 1–2). Еще раз парадокс этого фразеологизма обнаруживается несколько ранее и тоже при характеристике князя Василька (“не стерпѣвшимъ. ѿ лица Василкова. Бѣу помогшоу побѣгоша”), заканчивающейся упоминанием его победы над Скомондом. В КЛ этот фразеологизм отсутствует, а в ПВЛ близкое словосочетание фиксируется только один раз – “и великии Бѣ. вложив жалость. велику оу Половцѣ и страхъ нападе на нѣ. и трепеть. ѿ лица Русьскыхъ вои”²⁶. Псалом 32 сообщает – “от Него же подвижатся вси живущи на вселеннѣи” (Псал. 32.8, 17). В отличие от других псалмов, призывающих петь славу Господу “во псалтыри и в гуслех”, в нем уточняется “добрѣ пойте Ему съ въсклицаниемъ”. Это можно рассматривать как антитезу утверждению о том, что поляки эту “славу” пели с “гласомъ сильнымъ” или попросту “ревели” в контексте общего сюжета.

В Евангелии от Матфея описание мучений Христа завершается характерным указанием – “О девятемъ же часѣ, възопи Иисусъ гласомъ велиемъ. Богъ Мой, Богъ Мой, вскую мя еси оставилъ» и далыше – “Иисусъ же пакы възпивъ гласомъ велиемъ, испусти духъ. И се завѣса церковная раздрася надвое, с вышняго краа до нижняго” (Мф. 27. 45, 50–51). Описание подготовки к бою польского войска продолжено рассказом о том, как к бою готовились и союзные им венгры, собственно, выступившие инициаторами событий, – “Даниль же видивъ близъ брань Ростиславию. и Филю в заднемъ полкоу стояща. съ хороговью.

²⁶ Ипатьевская летопись. – Стб. 254.

скоро приде на нь. и раздрюши полкъ его. и хороуговь его раздра на полы. видив же се Ростиславъ. побѣже. и наворотишася Оугре на бѣгъ. тогда же и Фила грѣдыи ѿтъ бы^с Андреем дворским. и приведенъ бы^с к Данилоу. и оубьень бы^с Даниломъ²⁷. Пострадали в данном случае не “поющие поляки”, а венгерский воевода Фильний, захваченный в плен и казненный в полном соответствии с библейским сюжетом, как разбойник.

Этот “древле прегордѣи” воевода Фильний²⁸, упоминавшийся и в событиях 1217–1219 гг., по замыслу автора текста, пострадал через 30 лет за свою самонадеянность. Лексема “древле прегордѣи”, которой он характеризуется в тексте, ведет нас к другому пострадавшему певцу, упоминание о котором явно носит характер вставки. Это специалист митуссного пения²⁹, долгое время вводивший в заблуждение не только историков, но даже переписчиков текста ГВЛ. Во всяком случае автор Ипат знал его как “словоутного пѣвца. Митоусоу”³⁰. События развернулись ближе к осени 1242 г., когда князь Даниил отправил своего дворского на Перемышль и там, “хота оуставити землю”, он: “посла на Перемышль. на Константина Разаньского. посланаго ѿ Ростислава. и владыцѣ Перемышльскомуу. коромолоующе с нимъ. и слышавъ Константинъ Андрѣа градоуща на нь. избѣже ночью. Андрѣи же не оудоси его оудоси владыкоу. и слоуги его разѣграби гордые и тоулы ихъ. бобровье раздра. и прилбичѣ ихъ волчье. и борьсоуковые раздраны быша словоутного певца (Хлеб – певцами Певцами тоу соу). Митоусоу. древле. за гордость. не восхотѣста (Хлеб – восхотѣвшу) слоужити князю Данилоу. раздраного аки связаного приведоша. сирѣчь ѿкоже рече приточникъ. боуесть домоу твоего скроушитъса. бобръ и волкъ. и ѿзвѣць снѣдаться. си же притчею рѣена бы^и”.

Автор красивого текста, включавшего библейскую аллюзию (Притчи Соломона 15, 25), примененную по отношению к князю Константину и епископу Перемышльскому, настойчиво использовал в нем режим аориста (выделен нами в тексте курсивом). И без указания на судьбу “митуссы” в него естественным образом вписывается аорист в двойственном числе – “за гордость не восхотѣста слоужити”, которым характеризуется причина их опалы. Грозная поэтика текста, сообщавшего о том, что князь Константин сбежал, а владыку “Андрѣи же оудоси”, кажется, нарушена небрежным синтаксисом вставки о “певцемитуссе” – “словоутного певца. Митоусоу. древле. ... раздраного аки связаного приведоша”. Благодаря ей, аорист “восхотѣста” оказался использованным даже не в совершенном значении, а для характеристики давно (“древле”) произошедшего события, что есть нарушением грамматической правильности³¹.

Фразеологизм “за гордость” в тексте ГВЛ-1260 больше не встречается и вряд ли им мог характеризоваться даже знаменитый певец. Позже он использован в тексте посольской грамоты князя Владимира Васильковича, но его следует рассматривать как производный от текста анализируемой статьи³². Источник мы видим в тексте “Чтения о Борисе и Глебе”, в котором сказано: “Дьявол иже ...

²⁷ Ипатьевская летопись. – Стб. 803–804.

²⁸ Там же. – Стб. 736 (“Въиде Фила древле прегордѣи надѣаса ѡбѣити землю потреби ти море. съ многими Оугры”).

²⁹ Сидоров Н. П. К вопросу об авторах “Слова о полку Игореве” // Слово о полку Игореве: сборник исследований и статей. – Москва; Ленинград, 1950. – С. 172–173.

³⁰ Ипатьевская летопись. – Стб. 793–794. В Хлеб в конце страницы добавлено “певца-митусу”.

³¹ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – Москва, 2002. – С. 216–217.

³² Ипатьевская летопись. – Стб. 900.

сриновень бысть на землю за гордость его. Тъ якоже преже рѣхъ ... и оба преступиста заповедь Божию. И того ради изгнанъ бысть”³³.

Тексты сопоставимы в той части, в которой “за гордость” расплачиваются два субъекта. С. Бугославский обозначил характерную черту “Чтения” – “Чтение” – не тільки житіє, а й політичний памфлет: Нестір ... показує, що князів, які ставлять опір зверхній над ними владі, можна вбивати”³⁴. Конечно, эта идея была весьма актуальна для автора ГВЛ-1260 ввиду казни двух Игоревичей в Галиче в 1211 г. во время посажения там Даниила Романовича. Современники, судя по всему, недвусмысленно связывали эти два события, что бросало тень на Романовичей. Несомненно, эту же мысль можно было ретранслировать на историю с преследованием князя Константина и перемышльского епископа. Но исполнитель “митусного” пеня был явно мелок для подобного сопоставления.

Нужно заметить, что наречие “древле” в тексте ГВЛ обнаруживается 8 раз и только в части до 1261 г., а из них – трижды в словосочетании с “гордость” или “прегордый”, из которых это дважды “прегордый” Фильний и один раз – “митусса”. В характеристике Фильния один раз также в словосочетании употреблен аорист – “выиде древле прегорды”. Пассаж, включающий это словосочетание, по мнению А. Генсерского (см. прим. 9), также содержит “песенный материал”. Еще раз аорист в таком же словосочетании использован в напоминании о пожаре в Холме перед рассказом о его строительстве – “Икоже древле писахомъ. во Коуремьсиноу рать. Ѡ зажьженьи города Холма”³⁵. Предполагаем, появление аориста в несвойственном ему значении в словосочетании с наречием “древле” именно в этих фрагментах текста ГВЛ не было случайным. М. Швелева видит возможность приобретения аористом перфектного значения, опираясь на примеры евангельских контекстов, что, собственно, не противоречит мнению исследователей об “утрате аориста в живом языке восточных славян”³⁶. Напомним об исключительно “книжном” синтаксисе текста ГВЛ-1260. Но аорист в перфектном значении в словосочетании с указанием на ранее прошедшее действие не может использоваться для повествования о последовательных событиях – “посла – избѣже – оудоси – разьграби – раздра – восхотѣста – приведоша”. Следовательно, можно предположить, что запись про “словоутного певца. Митоусоу. древле. раздраного аки связаного приведоша” была включена в текст позже без учета его грамматики.

Из текста получается, что словоформа “*восхотѣста*” Ипат относится не к князю Константину и владыке, вокруг преследования которых по приказу князя Даниила разворачивается сюжет статьи, но к владыке и “митуссе”, внезапно возникшему в тексте. Событие более адекватно передано Хлеб – “словоутного певцами певца митоусоу”. Хотя в таком случае, лексема “словоутный” становится наречием, она получает историю возникновения, связанную не только с “Днепром Словоутичем” СПИ, на что обратила внимание Барвара Адрианова-Перетц³⁷. Исследовательница считает, что “в основе его широко распространенный с древнейших памятников глагол “слути, слову”, одно из значений которого “**быть известным, знаменитым, славимым, прославляемым**”

³³ Бугославський С. Пам’ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). – Київ, 1928. – С. 180.

³⁴ Там само. – С. XXXI.

³⁵ Ипатьевская летопись. – Стб. 842.

³⁶ Швелева М. Н. “Согласование времен” в языке древнерусских летописей (к вопросу

о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. – Москва, 2009. – № 2(18). – С.152.

³⁷ Адрианова-Перетц В. П. “Слово о полку Игореве” и памятники русской литературы XI–XIII веков. – Ленинград, 1968. – С. 173.

(примеры: Срезневский, III, 434): “Слувшии силою” (Толковые пророки XI в.), “единомыслием словуща” (Григорий Назианзин XI в.), “словый мужьством” (Лавр. лет., 1103 г.) и т. д.”. Собственно в указанном Измаилом Срезневским первоисточнике мотив всей фразы аналогичен рассуждениям “приточника” – “Слоувшии силою прѣже, нынѣ же оумръшии” (Иез. XXXII, 21). Это делает логичным дополнение рассказа сообщением об аналогичной судьбе певца – митуссы, опиравшимся на иной текст.

Нельзя исключать того, что замечание о “митуссе” представляло собой приписку на поле рукописи. Ее появление могло быть обусловлено рефлексией на подвиг все того же дворского Андрея во время битвы под Ярославом – “тогда же и Фила *грѣдыи* ятъ бы^с *Андреем* дворским. и *приведенъ* бы^с к Данилоу”, который перед этим напал на “Филю в заднѣм. полкоу стояща . съ хороговью. ...приде на нь ... и хороуговь его *раздра*” (ср. “*Андрѣи* же ... словоутного певцами певца митоусоу. древле. за *гордость*. не восхотѣвшу слоужити князю Данилоу. *раздраного* аки связаного *приведоша*”). Автор информации о “митуссе” связал ее с бегством перемышльского епископа в качестве еще одного примера не удачной демонстрации “гордости” (“слоуги его *разъграби гордые* ... Митоусоу. древле. за *гордость*”). Но если настигнутых епископских “слуг” Андрей “разъграби” и “тоулы ихъ. бобровые *раздра*”, то певца “раздраного аки связаного *приведоша*”. Для глоссы было не обязательно уточнять, откуда и куда был приведен певец. Очевидно, что к князю Даниилу, что точно указано в известии о пленении “гордого Фили”. Но оказавшись внутри текста, фраза повисла. И кажется, Хлеб менее точно передает ее содержание, исправляя грамматику посредством замены двойственного числа на единственное – “словоутного певцами певца митоусоу. древле. за *гордость*. не *восхотѣвшу* слоужити князю Данилоу. *раздраного* аки связаного *приведоша*”. Автор Ипат увидел в числе жертв дворского Андрея епископа перемышльского, “кормолюющего” против князя Даниила, и некоего “Митуссу”, поняв, что они оба “не восхотѣста” ему служить и потому сохранил двойственное число глагола.

Замечания о половецком певце, “сильном гласе” католической мессы и исполнителе “митуссного” пения выдают в их авторе тонкого ценителя певческого искусства. Бросается в глаза употребление в них общей терминологии – “древле”, “гордость”, “раздирати”, “привести”, “не восхотѣти”. Весьма сомнительно, чтобы “песенный” материал был внесен в текст ГВЛ-1260 разными людьми. Ведь все три известия размещены в пределах 1260 г., сформулированы в рамках “галицкой” литературной традиции, используют общую лексику и фразеологические обороты. Хотя в “волынском” тексте после 1260 г. мы обнаруживаем близкое нашей теме устойчивое словосочетание “пѣвше *Обычныя пѣсни*”. Оно использовано дважды – один раз в описании похорон князя Лешка в 1285 г. и второй в описании похорон князя Владимира Васильковича в 1288 г.³⁸ Такая словоформа отсутствует в КЛ, но представлена в двух статьях ПВЛ – буквально в известии под 1091 г. о смерти жены Яна Вышатича и в иной последовательности слов в известии о гибели в водах Стугны князя Ростислава Всеволодовича (“пѣсни *Обычныя пѣвше*”)³⁹. Но волинский автор использовал это устойчивое словосочетание не для своих музыкальных экскурсов, совершенно не делая различий между католической и православной традицией заупокойных песнопений. А значит он не мог быть инициатором появления специфической музыкальной информации в части ГВЛ до 1260 г.

³⁸ Ипатьевская летопись. – Стб. 897, 918.

³⁹ Там же. – Стб. 208, 211–212.

Однако, есть основания предполагать, что в двух случаях мы имеем дело с приписками к известиям по готовому тексту, в котором уже находилось сообщение о “сильном гласе”. Приписки и дополнения могли производиться на широком нижнем поле листа рукописи (Похвала), а в кратком виде, как в эпизоде с “митуссой” – на узком боковом поле. В таком случае сама рукопись не переписывалась и автор основного текста в последующем мог вносить дополнения⁴⁰.

В описании битвы под Ярославом наше внимание уже привлекала цитата из 67 псалма “побѣгоша ѿ лица е^с” и мы отметили, что парафраз этого фразеологизма обнаруживается при характеристике князя Василька, заканчивающийся упоминанием его победы над Скомондом – “не стерпѣвшимъ. ѿ лица Василкова. Боу помогшоу побѣгоша”. Но это не единственный пример их текстологической близости:

Похвала князю Васильку ⁴¹	Битва под Ярославом
1. - и еще бо Холмоу . не поставленоу бывъшю . Даниломъ .	1. - иде же в Холмъ . с колодничи многими . иже бѣ создалъ самъ
2. - <i>Внѣм же вѣзехавшимъ имъ противоу и не стерпѣвшимъ. ѿ лица Василкова. Боу помогшоу побѣгоша злии погании . и бы^с на нѣ сѣча люта</i>	2. - <i>Лахы крѣпко идоущимъ на Василка. Василкови же сразившоуса с Лахы . наворотившимса . и зрацимъ ѡбоимъ на са . Лахомъ же лающимъ . рекоющи^м поженемъ на великыи бороды Василкови же рекшоу . яко ложь глѣсть естъ вашъ. Бѣ помощникъ нашъ естъ. и тѣкнуоу конь свои и движеса. Лаховѣ же не стѣрпѣвше побѣгоша ѿ лица е^с .</i>
3. - <i>и оубито бы^с князии. сорокъ инии мнозии избѣени быша</i>	3. - <i>Оугре же и Лахове мнози избѣени быша. и ятии быша и ѿ вьси мнози яти быша тогда же и Фила гордыи ... оубьень бы^с Даниломъ .</i>
4. - <i>еже Скомондъ. и Бороут. зла воиника . иже оубьена бы^сста посланиемъ . Бѣию мл^стью избѣени быша погании. ихже не хотѣхомъ писати ѿ множества ради.</i>	4. - <i>Жирославъ же приведе Володислава . злого мѣтежника землѣ . въ тѣ^ж днѣ и тотъ оубьень бы^с. и инии Оугре мнози избѣени быша за гнѣвъ.</i>

Упоминания о Холме свидетельствуют о том, что Похвала Васильку находится не на своем первоначальном месте, так как накануне битвы Холм был уже построен, а в описание битвы под Ярославом слова “иже бѣ создалъ самъ” вставлены редактором, иначе их следует отнести на сет “колодников”. Но заметен целый ряд фразеологизмов общих обоим текстам: “не стерпѣвшимъ. ѿ лица Василкова . Боу помогшоу побѣгоша” / “Василкови же рекшоу ... Бѣ помощникъ нашъ естъ ... Лаховѣ же не стѣрпѣвше побѣгоша ѿ лица е^с”; “Скомондъ. и Бороут. зла воиника. иже оубьена бы^сста посланиемъ” / “Жирославъ же приведе Володислава . злого мѣтежника землѣ . въ тѣ^ж днѣ и тотъ оубьень бы^с”. Слово сочетание “не стерпѣвшимъ. ѿ лица Василкова” менее точно передает смысл,

⁴⁰ Такой механизм работы с готовым текстом продемонстрировал анализ рукописи Яна Длугоша: *Затилюк Я., Кириченко К. Повідомлення Анналів Яна Длугоша про*

коронацію Данила Романовича та їх походження // Ruthenica. – Київ, 2016. – Т. 13. – С. 108–136.

⁴¹ Ипатьевская летопись. – Стб. 799.

вложенный в слова оригинала, чем это сделано в описании событий под Ярославом. Излишним представляется намек на особенный масштаб победы Василька, когда после упоминания о гибели Скомонда и Борута, “злых воинов”, по аналогии с убийством Фильния “гордого” и Владимирова “злого мятежника” вводится дополнительная информация о том, что о всех убитых князем “не хотѣхомъ писати ѿ множества ради”. Полагаем, что оба текста создавались не одновременно и Похвала Васильку представляется вторичной и выглядит, учитывая ее расположение в тексте, как приписка к нему.

В то же время предложенная в Похвале Васильку характеристика Скомонда, который “нѣшь бо хода” аналогична по своему происхождению характеристике хана Кончака в “половецкой” части Похвалы Роману (“родившюся Кончакоу. иже снесе Соулоу нѣшь хода” / “Скомондъ бо бѣ ... борзъ же бѣ яко и звѣрь . нѣшь бо хода”)⁴². Вместе с тем сопоставление фрагментов Похвалы Васильку с “половецкой” частью Похвалы Роману показывает первичность текста последней.

Похвала князю Роману ⁴³	Похвала князю Васильку
1. - княза Романа . Удолѣвши всимъ поганьскѣмъ языкоу ⁴⁴ оума мудростью . ходаца по заповѣдемъ Бѣжимъ . оустремил бо са баше на поганьца	1. - Василко бо бѣ . возрастомъ середнии . оумомъ великъ и дерзостью . иже иногда многожды побѣжаше поганые . или иногда многожды посылающима има на поганьца
2. - Мономахоу. погоубившему поганьца Измалтаны. рекомыя Половци . изгнавшю Утрока во Убезы . за Желѣзная врата .	2. - Василко изъ Володимѣра. оугони е . и бывшоу емоу . в Дорогычинѣ . Унѣмъ же быющимса . оу воротѣ Дорогычиньскыхъ . и гнаша е . за много попрещь

Похвала князю Васильку представляет очевидный “римейк” на текст Похвалы князю Роману в том ее виде, когда она была еще без “песен половецких”. Так неправильно понятое составителем ГВЛ-1260 выражение из Малалы о победе мудрости над похотями ума и ставшее в Похвале Роману “ума мудростью” при составлении характеристики князю Васильку было представлено как “ум велик”, а “одоление” и “устремление” на “поганые” – как “иногда многие победы” и “иногда многие посылания на поганые”. Следует полагать, что “ворота Дорогычинские” появились по аналогии с “Железными воротами”, а “изгнание в Обезы” превратилось в “изгнание за много попрещь”.

Мы достаточно подробно и в большом объеме цитировали рассуждения А. Генсерского, чтобы представить всю полноту его аргументации по поводу даты 1266–1268 гг. как возможного периода включения дополнительного материала в первоначальный текст ГВЛ. Из приведенных нами цитат достаточно очевидно, что в полном соответствии с “литературным методом” рассуждения ученого подкреплялись, в основном, интуитивными посылами, которые на проверку оказались достаточно основательными. Мы попытались продемонстрировать

⁴² А. Орлов отметил, что “характеристика Святослава отразилась разными сторонами на характеристиках Кончака под 1201 г. и

Скомонда под 1248 г.”: Орлов А. С. К вопросу... – С. 104.

⁴³ Ипатьевская летопись. – Стб. 715–716.

специфическую концептуальность известий, большинство которых А. Генсерский считал редакторскими вставками, сделанными в 1266 г. Они в действительности могли быть произведены в это время, исходя из логики текста, и достаточно уверенно определяются грамматически. Их объединяет “певческая” тема, включающая детали весьма специфического характера: указание на певцов “жырау” и “митуссу”. Несомненная лексическая связь этих дополнительных фрагментов с текстом Похвалы князю Васильку ограничивает хронологические рамки внесения дополнений в текст ГВЛ-1260 датой смерти князя в 1268 г.

С другой стороны, достаточно очевидно, что дополнительный материал формировался в рамках тех же литературных принципов и предпочтений, что и основной текст ГВЛ, доходивший до 1260 г. А это позволяет предположить, что и замечания о половецком певце в составе “половецкой” части Похвалы князю Роману, о “митуссе”, о “сильном глазе” в рассказе о битве под Ярославом, как и сам рассказ, и Похвала Васильку принадлежат одному и тому же “автору” ГВЛ-1260, вносившему через какое-то время дополнения на поля готового текста. Под “автором” мы подразумеваем не обязательно одного человека. Напомним, что около 1262 г. был сформирован в г. Владимире Компилятивный хронограф, текст которого повлиял на сложение литературного стиля ГВЛ в части освещения событий до 1260 г. К работе над ним, несомненно, была привлечена группа специалистов, способных написать летописный текст, а затем внести в него дополнения.

Как показывают, например, наблюдения над хроникой Яна Длугоша, нельзя исключать возможность того, что работа над рукописью была продолжена после того, как она формально была закончена. Собственно, это предполагал и А. Генсерский, который всецело разделяя выводы А. Орлова по поводу формирования текста ГВЛ, утверждал, что после 1266 г. “писав уже інший літописец”⁴⁴. А. Генсерский предполагал, что не позднее 1266 г. было произведено редактирование и дополнение рукописи, созданной в 1234 г. Однако, никаких аргументированных текстологических доказательств существования текста ГВЛ более раннего, чем тот, который обрывается на походе Бурундая, представлено не было. А это позволяет с большой долей уверенности предполагать, что основной текст, доходивший до 1260 г., и дополнения к нему, сделанные перед смертью князя Василька, были произведены одной и той же “рукой”.

Кандидат історичний наук, м. Київ

⁴⁴ Генсьорський А. Галицько-Волинський літопис. Процес складання... – С. 17.